

А.С. Панкратов

Ищущие Бога. Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А.С. Панкратов**
Ищущие Бога. Книга 1 / А.С. Панкратов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 198 с.

ISBN 978-5-458-56059-7

ISBN 978-5-458-56059-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Исканіе Бога.

Достоевскій назвалъ русскій народъ:

— Богоносцемъ.

Вѣриѣ онь:

— Богоискатель.

Исканіе Бога—русское исконное начало.

Въ старообрядчествѣ, напрімѣръ, нельзя видѣть окостенѣлый пережитокъ когда-то живой борьбы невѣжественныхъ людей за обрядовую форму. Нѣтъ, оно, какъ и сектанство есть проявленіе исканія Бога. Правда, въ своемъ историческомъ источникѣ оно было проявленіемъ низшаго порядка, такъ какъ люди видѣли Бога не въ душѣ и даже не на небѣ, а въ простомъ обрядѣ. Но это только съ точки зрѣнія насъ, людей ХХ столѣтія. Съ этой точки зрѣнія и вся борьба съ старообрядчествомъ, всѣ драконовскія мѣры противъ него—также явленія низшаго порядка, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ не только отстаиваніе, но и принужденіе силою признать правильность простого человѣческаго обряда. Но мнѣ кажется, что эта болѣе чѣмъ трехсотлѣтняя борьба съ старообрядчествомъ создала для русскаго религіознаго человѣка одинъ изъ многихъ, конечно несовершенныхъ, выходовъ на пути его естественнаго исканія Бога. Всегда и вездѣ,—и особенно въ Россіи — то, что подвергается гоненію, что создаетъ массовое мученичество, является для самихъ гонимыхъ и вообще для народа сіономъ ихъ идейныхъ исканій, въ данномъ слу-

обрядѣ, какъ формѣ, хотя по косности своей старообрядцы и ихъ противники всегда говорили только объ обрядѣ,— дѣло заключалось въ гораздо болѣе возвышенномъ: именно, въ борьбѣ за свое естественное право искать Бога внѣ узкихъ формъ церкви. Въ старообрядчествѣ люди искали своего Бога и Божьей жизни. Гоненія и мученичество утвердили въ нихъ увѣренность, что праведная жизнь именно здѣсь, въ «древлемъ благочестія». Съ этой точки зрѣнія старообрядчество являлось живой, дѣйствительной религіозной силой. Вѣчное исканіе Бога заставляло старообрядчество раскалываться на составныя, враждующія части, не стоять на мѣстѣ, а идти впередъ.

Теперь, съ точки зрѣнія ХХ вѣка, когда религіозная мысль, прорвавъ плотину обрядовыхъ и догматическихъ загражденій, уже ушла въ свободное пространство безконечностей, старообрядчество въ своей массѣ является богоисканіемъ низшаго порядка, обрядовымъ, формальнымъ богоисканіемъ. Теперь русскій народъ уже настолько выросъ въ религіозномъ отношеніи, что передовые его слои идутъ уже не въ старообрядчество, а въ сектантство. Здѣсь по многочисленнымъ и извилистымъ тропинкамъ ищутъ они' Бога и праведной жизни. Да и само старообрядчество не осталось безъ вліянія времени. Оно въ своей массѣ все еще держится за обрядъ, чему весьма способствуетъ воинственное отношеніе къ нему господствующей церкви. Это отношеніе поддерживаетъ старый взглядъ, что «праведная жизнь»—только въ старообрядчествѣ. Не будь этого отношенія, пытливая, бурливая человѣческая мысль не застоялась бы такъ долго на этомъ этапѣ, а давно бы уже вышла за предѣлы обрядовѣрія. Но передовые старообрядческіе слои, впрочемъ, и теперь уже порываются съ буквой. Образование и новыя формы человѣческой жизни уже достаточно распатали стѣны, за которыми искали Бога люди «древляго благочестія».

Широкой волной разлилось по Руси сектантство. Оно съ каждымъ днемъ растетъ и усиливается. Его не остано-

щей церкви, ни строгія гражданскія мѣры. И это понятно: въ сферѣ идей, да еще религіозныхъ, можетъ благотворно дѣйствовать только кроткое слово убѣжденія и мученичество. Насколько развито сектантство, можно судить по такому характерному факту. Одинъ старообрядческій начетчикъ, только что пріѣхавшій изъ Сибири, рассказывалъ мнѣ въ 1910 году.

«Пріѣхалъ я въ одинъ городъ, вызываю тамошняго священника-миссіонера на словопреніе. А онъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: «о чемъ намъ съ тобой говорить? О чемъ спорить? У насъ съ тобой одинъ общій врагъ—сектантъ. Соединимся и выступимъ противъ него! Сектантство массой идетъ на насъ!»

Между тѣмъ, совсѣмъ недавно еще сектантство занимало скромное въ количественномъ отношеніи положеніе. Съ нимъ даже не спорили о вѣрѣ официальные представители церкви. Всѣ свои знанія и силы они тратили на одно старообрядчество. Теперь же имъ приходится не только считаться съ сектантствомъ, но, оставивъ въ сторонѣ старообрядчество, бороться съ однимъ сектантствомъ.

Сектантство есть выраженіе того же исконнаго русскаго начала—исканія Бога. Въ него идутъ люди съ пытливымъ умомъ, неудовлетвореннымъ старыми формами вѣрованія. Пути, по которымъ идетъ народъ въ секты, впрочемъ, разнообразны. Тутъ и желаніе избавиться отъ платъ за требы, тутъ и стремленіе мужа и жены уйти отъ опустылившей своей законной половины. Но, главнымъ образомъ, сектантство есть исканіе новой, болѣе удовлетворяющей запросы духа, вѣры.

Но исканіе Бога не только въ старообрядчествѣ и сектантствѣ. Оно и въ господствующей церкви. И тамъ масса въ вѣчномъ, непрерывномъ движеніи: разными путями и въ разныхъ формахъ она ищетъ Бога и всегда стоитъ предъ бездною вѣчнаго вопроса:

— Какъ жить по-Божьи? Какъ спастись?

Тотъ путь, который указываютъ ей, какъ непреложный, она подвергаетъ сомнѣнію:

— Нѣтъ, не такъ нужно жить по-Божьи.

Она не останавливается, не замираетъ, а ищетъ и ищетъ.

Отсюда—скитальчество по монастырямъ, пустынникамъ, затворникамъ, юродивымъ. Для многихъ это—простое поклоненіе святынь, паломничество, даже удовлетвореніе суевѣрнаго чувства, но для нѣкоторыхъ это—путь исканія.

— У насъ дома нѣтъ «Божьей жизни». Не найду ли я гдѣ-нибудь? Не откроетъ ли святой отецъ, живущій сорокъ лѣтъ въ затворничествѣ, какъ намъ спастись, какъ устроить свою жизнь, какъ найти Бога?

Прежде, такое исканіе выливалось въ фѳормѣ отжившаго уже свой вѣкъ исканія праведной «земли» или «праведнаго города». Это была своего рода сладкая мечта о «золотомъ вѣкѣ». Наступитъ этотъ вѣкъ царства Божьяго на землѣ, и люди, наконецъ, будутъ довольны своею жизнью. Разница лишь въ томъ, что «праведная земля» рисовалась не въ одномъ будущемъ, а и въ прошломъ и въ настоящемъ. Эта «земля» осталась отъ старой библейской или евангельской жизни, когда люди были святы. Но она затерялась въ наслоеніяхъ грѣшнаго человѣческаго существованія, и найти ее могутъ только люди, угодные Богу. А найти ее нужно во что бы то ни стало для того, чтобы дать людямъ высокій примѣръ, принять благодать праведныхъ людей, живущихъ въ «праведной землѣ», и начать жизнь новую, святую.

Психологическое основаніе этой вѣры просто. Съ одной стороны, грустная дѣйствительность. Жизнь складывается такъ, что шагу нельзя сдѣлать безъ грѣха. Грѣхъ идетъ за человѣкомъ и въ монастырь и въ алтарь... А съ другой—основная наша религія всегда оставалась для народа внѣшней. Великій евангельскій принципъ: «царство Божіе внутри насъ» какъ-то всегда былъ въ тѣни, хотя и проповѣдывался въ церквахъ. Къ сердцу русскаго простого народа эта проповѣдь о внутреннемъ царствѣ мало доходила, отчасти въ силу его темноты. Народъ искалъ царства Божьяго на сторонѣ, внѣ своей души. Грѣховность свою объясняли незнаніемъ какихъ-то особенныхъ «Божьихъ истинъ».

Мечта о праведной жизни воплощалась иногда въ странничествѣ. И это было самое наивное, полное трогательной вѣры и высокихъ чувствъ русское заблужденіе. Искали когда-то «бѣловодскую землю», искали и ищутъ теперь градъ невидимый «Китежъ». Эти исканія общеизвѣстны. Но въ разныхъ мѣстахъ Россіи народная фантазія создала свои мѣстные «невидимые грады», причудливо переплела ихъ со сказками и суевѣріями и заставила повѣрить имъ. Нерѣдко въ деревняхъ можно слышать рассказы, какъ разъ въ годъ, ровно въ полночь, на ихъ «святомъ озерѣ» показывается верхушка колокольни или изъ воды выходятъ «божьи старцы»... Въ этихъ рассказахъ часто уже утраченъ тотъ элементъ религіозности, который связанъ былъ съ исканіемъ «праведнаго града». Но, несомнѣнно, это—отзвукъ исканія.

Теперь исканіе Бога проявляется уже въ болѣе совершенномъ видѣ. Ищутъ не территорію «праведной земли», а истину.

Я зналъ одного такого вѣчнаго искателя. Уже сѣдой, но живой, подвижной человѣкъ. Его семья жила въ Подольской губерніи. У него домъ, хозяйство, торговля. Но ничто не мѣшало ему горѣть внутреннимъ огнемъ.

Услышать ли, или прочесть, что тамъ-то открылась новая секта, или узнаеть, что Толстой сказалъ новое слово,—сейчасъ же ѣдетъ къ сектантамъ или къ Толстому. Въ вагонѣ—очки на носу и Библия въ рукахъ или разговоръ о Богѣ и душѣ съ крестьяниномъ.

За послѣдніе три года онъ что-то не появляется въ Москвѣ,—можетъ-быть, умеръ. А прежде я видѣлъ его раза два въ годъ. Помню первый его разговоръ со мной:

— У васъ въ такой-то статьѣ есть такое-то мѣсто. Я пріѣхалъ поговорить по этому поводу.

И началось религіозное словопреніе. Онъ и опровергалъ, и въ то же время пытливо вслушивался:

— Нѣтъ ли чего-нибудь новаго?

Онъ былъ у массы людей, интересующихся религіозными вопросами. Со всѣми говорилъ.

Яркими штрихами онъ рисоваль недостатки господствующей церкви. Я спросилъ его:

— Вы сектантъ?

— Нѣтъ, не установился мнѣніемъ,—отвѣтилъ онъ.— Все ищу, всю жизнь ищу.

И затѣмъ:

— Вотъ говорятъ, на Волгѣ, около Камышина, появилась новая секта. Вы ничего не слыхали? Поѣду туда, разспрошу. Можетъ-быть, истинная.

Въ толпѣ богомольцевъ вы найдете человѣка, который о цѣли своего путешествія скажетъ, если вы съ нимъ разговоритесь «по душамъ», такъ:

— Иду поклониться преподобному... А потомъ посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ праведной жизни.

Помню, на волжскомъ пароходѣ сѣдобородый паломникъ торжественно-печально рассказываль мнѣ:

— Гдѣ я только не былъ, обошелъ, почитай, всѣ монастыри, былъ въ Иерусалимѣ и на Афонѣ, въ Стародубѣ у старовѣровъ, какихъ сего не видалъ, съ какими людьми не говорилъ,—и нигдѣ не нашель правильной, Божьей жизни. Не живутъ люди, а колотятся. Одни говорятъ: «Идите къ намъ,—у насъ истина». Другіе: «Нѣтъ, къ нимъ не ходите,—у насъ она». А истина, господинъ, одна, ибо Богъ одинъ...

Но для многихъ и такое исканіе истины, связанной съ сактой или лицами, является несовершеннымъ. Религіозная мысль развилась, углубилась. Она витаетъ въ сферѣ внутреннихъ, душевныхъ исканій, устанавливаетъ высокій принципъ:

— Богъ въ сердцѣ человѣческомъ. Тамъ его и нужно искать.

За послѣдніе годы богоискательство особенно развилось. На нашихъ глазахъ на великой шахматной доскѣ совершается великая перестановка фигуръ. Политика, съ ея барабаннымъ боемъ, шумомъ и пустотой результатовъ, утомила всѣхъ. Склоненіе во всѣхъ падежахъ Миллюкова, Дубровина и Гучкова потеряло свою остроту.

А такъ какъ общественную жизнь нельзя нивелировать и сдѣлать безстрастно-равнодушной, какъ нельзя каждаго отдѣльнаго человѣка заставить интересоваться всѣмъ въ одинаковой степени, то стали просыпаться и завоевывать первое мѣсто другіе интересы.

Совершается поворотъ изъ области политики въ область религіозной мысли.

Поворотъ медленный, но неуклонный. Не только въ провинціи, но даже въ столицѣ, гдѣ такъ ярка нарядная внѣшность и такъ мало времени на то, чтобы заглянуть въ свою душу,—этотъ поворотъ уже замѣтенъ теперь.

Стали искать Бога и тѣ, кто доселѣ былъ равнодушенъ къ Нему, и тѣ, у кого не хватало времени на Бога. Тѣ же, которые не разставались съ Богомъ, стали очищать свою религію отъ наростовъ внѣшности, условности, стали одухотворять ее.

Религія очищается, одухотворяется. Бога перестаютъ искать въ переднемъ углу и даже въ небесахъ.

Подъ Москвой есть одинъ бойкій желѣзнодорожный центръ—мастерскія съ сотнями рабочихъ. Прежде тамъ безраздѣльно царила политическая непримиримость махрового социаль-демократическаго цвѣта. Все было въ политикѣ и все черезъ политику.

Теперь тамъ иная картина. Непримиримые ходятъ на сектантскія бесѣды и очень увлекаются религіозно-нравственными вопросами.

О нихъ мнѣ говорили сектанты:

— Благодарный матеріаль. Непримиримость осталась и обрушилась на нашихъ противниковъ. Но мягкость религіозная уже коснулась ихъ душъ и воздѣйствовала сильно. Отъ правовѣрія социаль-демократіи не осталось и слѣда. Появилась какая-то странная смѣсь религіи и политики, причемъ такъ много религіи, что политика кажется недоразумѣніемъ, навожденіемъ. Эти люди были религіозны всегда, и лишь на время засыпала въ нихъ религія.

Такіе центры вездѣ.

Въ Россіи сейчасъ чувствуется сильное біеніе развивающейся религіозной мысли...

Яма.

Исторія «Ямы».

Простой русскій человѣкъ говоритъ много, громко, свободно только въ трактирѣ. Это его общественная трибуна.

Въ торговомъ мірѣ въ особенности «уважають» трактирь. Всѣ сходы и разговоры происходятъ тамъ. Мнѣ какъ то нужно было поговорить съ однимъ лавочникомъ. Онъ меня совсѣмъ не зналъ.

— Я къ вамъ,—обращаюсь къ нему.

— Ко мнѣ? Пожалуйста.

Онъ подозрительно оглянулся кругомъ:—не слушаетъ ни кто. Затѣмъ быстро выдвинулъ ящикъ, взялъ два мѣдныхъ пятакъ и направился къ двери:

— Пойдемте!

Лавка у него свѣтлая, просторная, при ней хорошая теплушка. И нѣтъ никого—одинъ мальченка. Но онъ повелъ меня въ дрянный, грязный, наполненный сквернословіемъ и табачнымъ дымомъ, трактирь.

— Тутъ намъ никто не помѣшаетъ. Эй, Николашка, чайку на двоихъ!

Я замѣчаю, что ему, дѣйствительно, никто и ничто здѣсь не мѣшаетъ. Ни шумъ, ни дымъ, ни пьяные люди.

Приученный всего бояться, мнительный, сумрачный русскій человѣкъ въ трактирѣ перерождается, расцвѣтаетъ. Улыбка не сходитъ съ потнаго лица, душа на рас-

пашку. Чего только нельзя узнать у него за парой чая. Все расскажетъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ въ Москвѣ двое пріятелей часто ходили въ трактиръ Чуева на Рождественкѣ поговорить о своихъ книжныхъ дѣлахъ.

Это были исторіографъ Н. П. Бочаровъ и букинистъ А. А. Астаповъ. У Астапова въ двухъ шагахъ отъ трактира, въ Проломныхъ воротахъ, была книжная лавка. Пока мальчикъ рылся въ лавкѣ, отыскивая нужную Н. П. Бочарову книгу, пріятели сидѣли за чайкомъ. Кто въ «старой Москвѣ» не зналъ этихъ двухъ людей? У одного въ книгахъ рылись профессора, студенты, ученые, литераторы, интересующіеся русской стариной и древней Москвой. Заходили къ нему высокопоставленные лица. Посѣтилъ однажды поэтъ К. Р. Водилъ А. А. Астаповъ въ чуевскій трактиръ и другихъ знакомыхъ лицъ. Здѣсь, на примѣръ, былъ Владиміръ Соловьевъ. Ходили сюда, смотря на Астапова, и другіе «книжники».

Теперь старикъ Астаповъ уже не имѣетъ лавки. Старинной онъ жилъ, старина, можно сказать, способствовала и ликвидаціи его любимаго дѣла. Стали строить памятникъ Ивану Первопечатнику. Загородили Проломныя ворота и торговля упала. Строили по русскому обычаю цѣлые годы, и Астаповъ принужденъ былъ продать лавку.

Второй изъ пріятелей Н. П. Бочаровъ—энциклопедія старой Москвы. Живой, ходячій русскій архивъ.

Трактиръ грязный, въ подвалѣ, яма какая-то. Со стѣнъ течетъ, ползаютъ мокрицы. Но это нисколько не мѣшаетъ задушевнымъ разговорамъ.

Пріятели сдѣлали «Яму» своей резиденціей. Около нихъ всегда масса знакомыхъ. Сидятъ, бесѣдуютъ. Отъ книги и русской старины одинъ шагъ до Бога. Даже шага нѣтъ. Русскій простой человекъ именно въ трактирѣ больше всего любитъ говорить о божественномъ. За «книжниками» въ трактиръ потянулись «богоискатели».

Появилась библія. Стали спорить. Дальше—больше и «Яма» сдѣлалась Меккой для людей, любящихъ религіозныя

разговоры. Н. П. Бочаровъ и А. А. Астаповъ уже давно перестали ходить туда, избрали другія мѣста для своихъ «книжныхъ» бесѣдъ, а «Яма», какъ мѣсто религіозныхъ собесѣдованій, крѣпла и развивалась.

Время было тогда темное, какъ и теперь. Некуда было нести свои религіозныя сомнѣнія. Негдѣ найти отвѣта на вѣчные вопросы. А сомнѣній было много. Душевныхъ терзаній еще больше.

Въ русской кузницѣ стучали тогда два тяжелыхъ молота опускаясь на головы «инако мыслящихъ». Даже тѣль религіознаго сомнѣнія вызывала преслѣдованія:

— Раскольникъ! Еретикъ!—клеймили сомнѣвающихъ.

Еретиковъ и раскольниковъ гнали. Все, что не церковно-православнаго, было осуждено на адъ земной и загробный. Ересью считалось и сектанство и простое колебаніе въ вѣрѣ. Сомнѣваться было опасно. Еще опаснѣе признаваться въ сомнѣніи. Никакихъ споровъ съ сектантами не допускалось:

— О чемъ же намъ спорить съ еретиками?

«Раскольниковъ» «убѣждали» русскими средствами. На собесѣдованіяхъ около каеэдры располагались добровольцы, темные, какъ формуляръ Дубровина. Они оказывали «медвѣжью услугу» миссіонеру.

Теперь толпа не та, и эти прихвостни ограничиваются крикомъ:

— Анаеема! Безбожникъ! Сгоришь въ аду!

А прежде не стѣснялись:

— Бить его, православные!

И били.

Нельзя было говорить, нельзя писать. А между тѣмъ духъ религіозной совѣсти неудержимо рвался на волю. И «Яма» сдѣлалась клапаномъ для выхода протестантскихъ паровъ. Тамъ не только говорили о «божественномъ». Тамъ учились и проповѣдывали. Въ «Яму» шли православные. Они говорили:

— Любопытно послушать заблуждающихся...

Слушали и иногда уходили съ опущенной головой и разбросанными мыслями: